

самое время!

Автор благодарит всех, кто помог ему завершить книгу.

Особые благодарности:

— Наталье и Дмитрию Кулагиным, Юрию Грановскому, Елене Чилингир;
— и, конечно, Игорю Мытько, который так и не убедил автора все переделать правильно.

Часть 1.

НЕ ДУМАТЬ О ЗЕЛЁНОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

*Есть моменты, когда все удаётся.
Не ужасайтесь — это пройдёт.*

Ж. Ренар

1

Мы стояли под нелепым бетонным козырьком на автобусной остановке. Был Крым и Гурзуф. И проливной дождь. Из нас четверых только Вадик не хотел идти домой под этим неуместным ливнем. Он в сотый раз повторял:

— Как только мы дойдём до крыши, дождь прекратится.

— Правильно! — в сотый раз соглашалась Женька. — Поэтому чем раньше мы дойдём до крыши, тем быстрее кончится дождь.

В конце концов мне это надоело. Я снял мокрую майку и ступил на асфальтовое дно горного ручья, который ещё полчаса назад был дорогой. Девчонки какой-то миг собирались последовать моему примеру, но природная стыдливость возобладала, и они выскочили под бесплатный тёплый душ в одежде. Вадик подчинился воле большинства. По его лицу ясно читалось всё, что он думает о большинстве и воле.

Мы даже не стали обсуждать тему «сухих субтропиков», чрезвычайно актуальную в нынешнем августе. Из недели нашего пребывания в Крыму это был четвёртый дождливый день. Между прочим, когда меня склоняли к южному варианту отдыха, больше всего напирали именно на жару и сухость климата. В наших краях сырость сменяется слякотью — вот и все чередование пор года. Последние два месяца я только и делал, что предавался мечтаниям о теплом сухом месте, где не будет комаров и компьютеров. И оказался в этом аквапарке.

У меня ведь всегда так: если чего очень сильно хочу — никогда не сбудется.

Чем ярче и красочнее я себе что-нибудь представляю, тем меньше шансов увидеть это всё в действительности. «Законы Мёрфи» вызывают у меня не столько смех, сколько понимание. Я уже привык, что лучший способ приманить автобус — сделать несколько шагов прочь от

остановки.

Так вот, дождь мы обсуждать не стали (как явление ежедневное), и как-то сам собой завязался разговор о завтрашней экскурсии в дегустационный зал.

— Интересно, — задумчиво пробормотал я, — что именно помешает нам туда добраться?

— Размоет дорогу, — подала голос неизобретательная Жанка.

— Горный обвал.

— Автомобильная авария или просто шина проколется.

— Кто-нибудь захочет угнать автобус в Турцию, — разошёлся Вадик.

Мы перебирали все мыслимые и маломыслимые катаклизмы, и это здорово разнообразило путь домой. А когда, наконец, ввалились в свои фанерные, но сухие сарайчики, дождь прекратился.

На следующий день была экскурсия в Массандру с полным комплектом приятных сюрпризов. В тот день я раз и навсегда влюбился — в сладкие крымские вина.

Я перекачивал во рту грубовато-нежный портвейн «Белый», смывая с нёба саму память о портвейне «Агдам». Я задышался терпким ароматом мадеры. Потом причастился «Кагором», а «Токай» баюкал во рту так долго, что почти пропустил рассказ о южнобережных мускатах. Солнце золотило бокалы, придирчиво проверяя своё процентное содержание. Почему на массандровских этикетках указывают содержание сахара и спирта, но забывают написать: «Крымское солнце — 100 %»? С тех пор любое вино кроме крымского кажется мне переохлаждённым.

Тогда же я узнал о коварстве и прелести кумулятивных доз. Выпили всего-то по 120 грамм хорошего вина, но выходили из зала уже в том состоянии, в котором на свадьбах крадут невесту по второму разу. Весь обратный путь мы продолжали придумывать себе несуществующие преграды, но автобус благополучно миновал их все.

Это был первый удачный день моего отпуска. Вечером мы уговорили трёхлитровую банку портвейна «Таврида», а на следующий день, так и не дождавшись похмелья, укатали на Кавказ. По дороге игра в придумывание неприятностей затихла сама собой.

А потом оказалось, что это вовсе не игра.

Как я теперь понимаю, я сам был во всём виноват.

Не нужно было считать себя счастливым.

Так вышло, что в какой-то момент у меня в жизни всё стало слишком хорошо. Была неплохая работа — хотя мне предлагали и более перспективную. Была умная и красивая жена — хотя и со второй попытки. Была квартира — хотя я всегда мечтал об отдельном доме. Я успокоился. И дошёл до идиотизма: мечтал о том, что у меня уже было.

Я почему-то забыл главное: всё, чего очень хочу, — не сбывается.

В такой сытой уверенности я прожил примерно год. А потом... А потом прошёл ещё год, и я уже сидел в какой-то забегаловке и жаловался на судьбу мужику с бакенбардами. Не переносу забегаловок, плохо схожусь с незнакомыми, меня тошнит от бакенбард, а вот, поди ж ты, сидел и жаловался.

— ...Ну, кризис — это понятно. Кризис всех задел. Но ведь через полгода и жёнушка моя распрекрасная тоже смылась. С одним моим довольно близким... Ну ладно. Остальные друзья все куда-то подевались. А вот теперь и жить, в принципе, негде. И ведь что обидно? Каждое утро просыпаюсь с мыслью, что сегодня-то уж точно всё будет хорошо, а оно совсем наоборот... Э, да что ты понимаешь?!

— Больше, чем вам кажется.

— Не-ет, дорогуша, это всё пережить надо, прочувствовать. Только что было всё! Мечтать больше не о чем! И вдруг — блямц!

Последнее «блямц» я произвёл, видимо, слишком экспрессивно: тарелки с закуской слегка подпрыгнули. Бакенбардоносец откинулся на стуле, посмотрел сквозь рюмку и неожиданно предложил:

— А хотите, я расскажу, как это бывает?

Я вяло пожал тем плечом, которое ещё слушалось меня.

— Вы представляете себе какое-нибудь событие: ваш успех у женщин, блестящий поворот карьеры, счастливую находку миллиона долларов. Повторяете его в воображении снова и снова, шлифуете до тех пор, пока оно не оживёт. В конце концов, вы видите всё в малейших деталях. И это означает одно — смерть

вашего видения. Оно уже никогда не произойдёт. А если и произойдёт, то тогда, когда вы и думать о нём забыли.

Некоторое время мы молча занимались делом: он — водкой с содовой, я — чистым джином.

— Да, — я уныло покивал тяжёлой головой, — так оно всё и происходит. Прямо хоть в автобиографию заноси. А что, у вас тоже случается?

— Нет, со мной такого не бывает. Но, вообще говоря, явление это давно известное и неоднократно описанное. В русской традиции оно называется «сглаз». Просто у вас оно сильно выражено. Вы — настоящий мастер сглаза.

— Нет, что-то вы тут путаете. Я так понимаю, сглазить можно кого-то другого. А как можно сглазить себя?

— Так, как это сделали вы. Между прочим, вашим близким здорово повезло, что вы такой закоренелый эгоист. Если бы вы искренне желали счастья окружающим, им тоже досталось бы. Кстати, Андрей, пока снотворное не начало действовать, давайте познакомимся. Меня зовут Николай Николаевич. Я буду охранять вас.

Я удивился и уснул.

Просыпался я тяжело и мучительно, как и положено при качественном бодуне. К общим мыслям о нелепости бытия примешивалась неясная, хотя и простая, тревога. Тревога лежала не в области сознания, а в области чувств. Минут через пять я сообразил — на ногах не валяется кот.

Моё бесстыжее животное под именем «кот» любит тепло. Но из всех обогревателей он признает только человеческое тело. Как правило, всю ночь я пытаюсь выбраться из-под его туши. Он, в свою очередь, упорно следует за источником тепла. Так и вертимся. За шесть лет совместной ночёвки мы научились играть в догонялки, не утруждая себя просыпанием. Больше того, сейчас я в первую очередь заметил отсутствие кота, а уже потом — собственной квартиры.

То, в чём я находился, не являлось моей квартирой. Это была стандартная малоухоженная хрущоба из тех, что обычно сдают внаём. Оштукатуренный потолок, выцветшие обои в жизнерадостную ромашку, мебель Бобруйской фабрики эпохи социализма. Наличие не совсем засохшего цветка на подоконнике говорило о присутствии женщины. Но постоянно женщина здесь не жила — холостяцкий бардак всегда сильно отличается от женского.

Тахта, на которой я неуютно возлежал, тоже была типично холостяцкой. Из белья присутствовало покрывало и мой свёрнутый пиджак в роли подушки. Я снова прикрыл глаза и попытался восстановить в памяти вчерашнюю пьянку. Неожиданно я понял, что пьянки как таковой не было. Даже похмелье казалось неправильным, с медикаментозным привкусом.

Тут в памяти всплыла фраза про снотворное из вчерашнего разговора. Всплыла и принялась неторопливо покачиваться на поверхности сознания. Полежав минутку, я принялся думать.

Итак, что я здесь делаю? Меня похитили с целью выкупа. Идиоты. Дальше.

Меня похитили для опытов над людьми. Слишком сложная идея, сейчас мне её не осилить. Дальше.

Бог его знает, зачем меня сюда притащили.

Правильный ответ.

Призовая игра. Вопрос: что я здесь делаю?

А ещё он говорил, что будет меня охранять. Интересно, это он так охраняет или уже не охранил?

— Расслабься, теперь я тебя охраняю. Ты слегка тормозишь, так что пока безопасен.

Чудовищным напряжением шеи я поместил источник хриплого звука в область досягаемости бокового зрения. Поверьте, мне это было так же трудно совершить, как вам — прочитать. В области досягаемости верхом на стуле сидел выбритый до синевы мордоворот с бандитским «ёжиком». Это гармонировало: наглая поза, уголовная выбритость и угрожающее умение читать мысли.

— Мыслей не читаю, сразу предупреждаю, — тут же отозвался мордоворот, — только общие направления и эмоциональные оттенки. Меня Гарик зовут.

Ну, правильно. Кто ещё будет рассуждать об эмоциональных оттенках, кроме уркагана по имени Гарик?!

— Меня с работы выпрут, — зачем-то поделился я с Гариком заветной мыслью.

Приснопамятный Николай Николаевич, который тоже оказался в комнате, бодро поддержал беседу:

— Конечно, выпрут. Представляете, приходите вы на работу, а ваш генеральный вам и говорит... Что он обычно в таких случаях говорит?

— Андрей Валентинович, зайдите ко мне.

— Вот-вот. Зайдёте вы к нему, тут-то всё и начнётся. Представляете?

Я зачем-то начал представлять. Генеральный теревит в руках какую-то бумажку, долго рассказывает мне о том, что у нас производство, а мой отдел работает в последнее время... плохо, словом, работает. В конце концов оказывается, что ненужная бумажка — это моё заявление об увольнении, которое осталось только подписать. И выхожу я весь пунцовый, и ни на кого смотреть не могу, потому что у всех на мордах — жалость пополам с облегчением. И пойдут они, солнцем палимы. То есть я пойду, а они останутся. Тоскливо как!

Открыв глаза, я обнаружил, что мордоворот разглядывает меня с некоторым беспокойством, а Николай Николаевич — с чувством выполненного долга.

— Вы садисты? — поинтересовался я и вдруг понял, что сразу произносить глупые мысли гораздо проще,

чем сначала их обдумывать.

— Ага, — кивнул затылком Гарик. — Небось, морду нам всем набить хочешь? Учти, у меня на правой голени — трещина!

— Чтоб тебе её сломать! — ляпнул я и со злорадством представил, как беспечный Гарик идёт по двору, на совершенно ровном месте спотыкается и ломает себе голень. Я торжествующе скосил лиловый глаз на мордоворота и наткнулся на его довольную (хотя и мерзостную) улыбку.

— А ты, стало быть, мазохист? — догадался я. — Ну что ж... одно без другого не бывает. Садомазохизм.

Николай Николаевич, видимо, уловил нарушение какой-то процедуры, потому что нахмурился и строго заметил:

— Гарри Семёнович! Сейчас не время для решения личных проблем! Продолжим, Андрей. Из квартиры вас когда выселяют? И как у вас со здоровьем?

Это была ужасная неделя — неделя среди упырей, которые питались моими страданиями, аки кровью агнцев. Причём реальные, действительно происшедшие со мной беды их не интересовали. Каждый раз, когда я пытался излить душу и получить сочувствие, меня грубо обрывали и заставляли вновь и вновь рисовать безрадостную картину моего незавидного будущего. Похоже, что при этом меня пичкали каким-то наркотиком — таких ярких картин страданий и унижений я давно не видывал. Внутричерепной Босх. Причём сами палачи никогда не принимали непосредственного участия в создании этих картин — только подкидывали всё новые и новые темы. Голод, нищета, тюрьма, болезни — мы прошли всё. Если Николая Николаевича не случилось рядом, Гарик иногда спрашивал, что я думаю по его поводу. Я тут же искренне и воодушевлённо описывал всевозможные беды, могущие свалиться на его наглую голову. Правда, бриться он совсем не брился и стремительно зарастал вполне интеллигентной бородкой.

Изредка я пытался выяснить, по какому праву меня лишили свободы и чего вообще хотят похитители, но вопросы мои пролетали сквозь собеседников, как антинейтрино. Если же я пытался качать права особенно напористо, то устаивался двух вариантов ответа: Гарик демонстрировал мне накачанный бицепс (и мои накачанные права выглядели на этом фоне неубедительно), а Николай Николаевич вроде бы соглашался, начинал сочувствовать и задавать наводящие вопросы (и через некоторое время я вдруг понимал, что разговор идёт уже совсем о другом).

В конце концов я махнул рукой на похитителей и сконцентрировался на своих ощущениях. Концентрироваться было очень сложно: голова постоянно кружилась, а мысли разбегались. Видимо, какую-то гадость к еде всё-таки примешивали.

К исходу недели мне представили новое лицо. Лицо принадлежало к женскому полу и носило модное имя Маша. Она была немного блёклой, но очень серьёзной. Нацепив тяжёлые очки от дальновзоркости, она произнесла голосом Доренко:

— Я ваш компенсатор. Я обучу вас основным методам

самокомпенсации, а первое время буду компенсировать вас извне. Итак...

— Не спешите, Машенька, — торопливо вмешался Николай Николаевич, — я же ему ещё ничего толком не рассказал.

— Что? Ну почему вы его не подготовили? У меня семья! У меня муж ревнивый! А мне тут сидеть и ждать, пока вы всё растолкуете?!

— Машенька, это очень мощный отбойник, мастер сглаза, у него возвращающая сила, как у паровоза! Мы за неделю ему из его же энергии блокировку на год вперёд выстроили! А кое-кто, — Николай Николаевич покосился в сторону Гарика, — и здоровье себе поправил.

Поинтеллигентневший Гарик не стушевался:

— Да ладно! У него обратная связь — вулканы тушить можно. Преступность ликвидировать как явление. Что, убудет от него?!

— Да? — задумчиво произнесла Маша. — А вас не сильно смущает, что он всё слышит?

Все дружно обернулись ко мне. Он — то есть я — действительно всё слышал. Но помогало это ему — то есть мне — очень мало. Всё, что я понял, так это то, что мной собираются тушить вулканы и разгонять чеченцев. А ведь сегодня голова совершенно ясная и пустая. Я решил задать самый нужный в данной ситуации вопрос:

— А у вас правда ревнивый муж? А то меня Андрей зовут.

Я понимаю, что фраза идиотская, но зачем же так ржать? Одна Маша держалась в рамках приличия и даже нашла в себе силы торжественно кивнуть головой. Я так и не понял, это она про мужа или на имя моё среагировала?

Неожиданно я осознал, что сегодня истязатели выглядят не так отталкивающе, как всю эту неделю. Совсем заросший Гарик подстриг курчавую каштановую бороду, а Николай Николаевич сбрил чёртовы бакенбарды и вообще надел свитер. Девушку, опять же, привели.

Веселье прекратил Николай Николаевич:

— Муж, и правда, ревнивый. Давайте начинать. Маша, приготовьтесь компенсировать. Итак, разлюбезный Андрей Валентинович, помните ли вы наш первый разговор в ресторане? Вы ещё на жизнь жаловались, а я

объяснял, что вы сами себя сглазили?

— Минуточку! — пробормотал я. — Так это вы всю неделю не садомазохизмом занимались...

— ...а блокировку тебе, дурень, ставили! — подхватил Гарик.

— Слабый галлюциноген, негативный фон, — Николай Николаевич обвёл рукой обшарпанную комнату, — помноженные на ваше богатое воображение... Словом, всех тех бед, что вы тут себе напредставляли, с вами не произойдёт. По крайней мере, в ближайшее время. Компенсируйте, Маша.

— То есть с работы меня не выперли? — Мой отупевший мозг мог осмысливать только фрагменты услышанного.

— У вас больничный по причине гриппа. И с квартирой тоже всё наладилось. И даже кота вашего пристроили к бывшим родителям... то есть к родителям вашей бывшей супруги.

Голова моя вдруг закружилась, что-то в ней отчётливо щёлкнуло — и в этот момент в памяти всплыл (правильное слово «всплыли»!) мокрый Гурзуф, экскурсия в Массандру, придумывание препятствий для автобуса...

— Ёжкин кот! Или у меня дежа вю, или я это всё уже проделывал однажды!

И я рассказал им всё, как на духу. Они слушали бред о сухих субтропиках и белом португальце с такой серьёзностью, как будто я передавал сенсационное сообщение, имеющее важное народнохозяйственное значение.

Они точно были сумасшедшими. Я так им в конце и сказал.

— В каком-то смысле да, — задумчиво потирая подбородок, согласился Николай Николаевич. — Но точнее было бы назвать нас ненормальными. Да и вас тоже.

— Не примазывайтесь, Николай Николаевич, не примазывайтесь! — ехидно заметил Гарик. — Вы-то как раз нормальный!

Николай Николаевич грустно покачал головой:

— Да, я-то как раз нормальный.

— А я, значит, нет? — счёл необходимым возмутиться я.

— Ты — нет, — очень довольно подтвердил Гарик. —

Ты отбойник.

— И раз уж я один нормальный среди вас, — перебил его Николай Николаевич, — давайте я вами поруковожу. Прошу вас, Мария.

— Ну давайте. Андрей, слушайте меня внимательно. То, чему мы сейчас будем учиться, важно прежде всего для вас. Итак, вы — отбойник...

Отбойник — это на профессиональном сленге.

По-научному (то есть по терминологии Николая Николаевича) это называется «модулятор информационного поля с отрицательной обратной связью». Мне больше нравится «мастер сглаза».

Суть такова: как только представит себе отбойник какое-нибудь событие, так оно сразу и не происходит. То есть не сразу — а просто не происходит и всё. И чем ярче он себе представляет, тем меньше шансов, что эта фантазия воплотится в реальность.

Это вкратце.

А если по полной программе, то объяснение заняло что-то около месяца. А может, это я такой тупой попался — не знаю. Чего только со мной не делали, чтобы я въехал: лекции по статистике читали, кубики бросали, даже в «очко» со мной на деньги играли. Я, как обычно, с пол-оборота завёлся и тут же просадил остаток наличности. Наличность мне вернули, но с объяснениями — дескать, если бы я так не стремился выиграть, а, наоборот, стремился проиграть, то обчистил бы всех до нитки.

Попробовали. С тем же результатом.

— Ты ж не «топор», — злился Гарик, — а «отбойник»! Ты должен всё шиворот-навыворот хотеть!

Поясняю: «топор» — это как «отбойник», только наоборот. Чего хочет, то и происходит («В рамках существующей реальности», — обычно уточнял Николаич).

— Андрюша, — вздыхал наш научный руководитель, — мы же договаривались: как только тебе начинает чего-то хотеться, сразу компенсируй.

Компенсировать меня к тому времени уже немного научили, но объяснять вам про компенсацию... Нет, даже пытаться не буду. Я бы сам ни бельмеса не понял, если бы не Маша с Гариком.

Гарик, он — сволочь такая — не только мысли читать умеет, но и передавать их от одного человека к другому. Может даже на большом расстоянии, только ленится. Предпочитает физический контакт. Хотя, конечно, в главном Гарик не соврал — передаёт он не мысли, а эти... мыслеобразы. Бывало, закоротит нас с Машей — и я сразу начинаю видеть её мыслеобразы. А она — мои. И

по физиономии мне — хрясь. А Гарик — второй раз сволочь — сидит и ухохатывается.

Гарик вообще оказался редкого оптимизма человек — из всего пользу выжать умеет. Вы думаете, чего он меня на свою ногу науськивал? Правильно, берёгся от нового перелома. Я так усиленно желал ему всяческих бед и увечий, что никакие несчастные случаи с ним в ближайшие сто лет точно не произойдут.

Но я о самокомпенсации начал. Собственно, из названия уже всё понятно: это такой способ самостоятельно компенсировать данные мне способности. Что-то вроде подушки безопасности или смирительной рубашки. Это надо всякие штуки себе представлять. Помните знаменитую фразу «Думай о бейсболе»? — вот что-то в этом духе. Надо или отвлечься на что-нибудь другое, или довести фантазии до полного идиотизма.

Скажем, понравилась тебе девчонка. Ты, понятное дело, сидишь, присматриваешься, принимаешься и представляешь, как это всё у вас могло бы быть. Если в такой ситуации оказываюсь я — все, пиши пропало. За пять минут такого нафантазирую, что шансы познакомиться станут как минимум отрицательными.

Поэтому мне в такой ситуации нужно бросаться в бой, очертя бездумную голову, — пока мой выдающийся «отбойный эффект» не заработал. А если не успел броситься, то нужно начинать «думать о бейсболе». Или, в крайнем случае, представить себе какую-нибудь полную чушь. Например, что девчонка эта летит ко мне на парашюте в бикини цвета хаки и стреляет из водного пистолета.

Сценка достаточно живописная для того, что отвлечься от реального развития ситуации. А с другой стороны — настолько дикая, что не сбудется и без моего вмешательства.

Это самый простой слой компенсации.

Попробую на примерах объяснить. Скажем, мать — всегда компенсатор для ребёнка. Она, с одной стороны, прикрывает его от всего плохого, что может проникнуть из внешнего мира, с другой — защищает мир от своего нежного дитяти. Не удивляйтесь, любой грудной ребёнок являет собой страшной силы «топора». Иначе чёрта бритого он смог бы выучить с нуля совершенно не известный ему язык, усвоить массу новых навыков и

вообще стать личностью. К счастью, годам к двум-трём эти способности почти у всех угасают. А может, и не к счастью — если б не рассасывались, то жили б мы в гармоничном обществе магов и ведьм.

Но я отвлёкся.

Короче, в чём-то компенсатор похож на «отбойника». Но есть существенное отличие: «отбойник» всегда чётко представляет, что именно он отбивает, а компенсатор просто чувствует, что вот-вот беда случится, и начинает бояться. А чего боится — и сам не знает. Типа переживает.

Вот так, в первом приближении.

Во вторых и прочих приближениях начинаются такие дебри, в которых только Маша и ориентируется. Её специализация — компенсировать таких уродов, как я. Она — самая лучшая в этом смысле.

Поэтому Николаич её и позвал ко мне. Чтобы предупредить возможные трудности.

Естественно, трудности начались без предупреждения.

Гарик в пятницу с утра был необычно хмур и молчалив. Маша, с которой они заявили вместе, вообще походила на облезлую кошку. Появиться на людях без макияжа и с красными глазами — такого я за ней ещё не замечал. Николаич был в форме.

Но только до тех пор, пока Гарик не оттащил его в сторону и не начал что-то быстро и сбивчиво объяснять. Николай Николаевич формы как будто бы не потерял, но напрягся, и в глазах его появился охотничий блеск. В этот момент я остро позавидовал Гарику с его умением проникать в чужие мозги, потому как разговор явно переключился на мою персону. Николаич вроде бы чего-то от меня хотел, а Гарик очень во мне сомневался. Моё мнение, видимо, решили учитывать в последнюю очередь.

Впрочем, томился я недолго: вскоре заговорщики жизнерадостным шагом двинулись в мою сторону, но, дошагав, одновременно набрали в грудь воздух — и стали переглядываться.

Наконец, я решил над ними сжалиться:

— Вы решили сообщить мне пренеприятнейшее известие?

Это настроило Николаича на литературно-цитатный лад.

— Вот что, Ляксе́й, — сказал он, — ты не медаль, у меня на шее висеть. А иди-ка ты в люди.

— Финал подкрался незаметно, — поддержал беседу грубоватый Гарик.

Снова нависла неловкая пауза, потому что наступила моя очередь говорить, а говорить мне, в общем-то, было не о чем.

— Ну ладно, — Гарик сделал глубокий вдох, потом выдох, потом снова вдох и наконец произнёс. — Давайте вы, Николай Николаевич.

— Андрей, у нас у всех большие проблемы. Может так случиться, что нам всем придётся... э-э-э...

— Влететь на большие бабки! — не выдержал Гарик.

— И это тоже. И вообще, разъехаться отсюда в разных направлениях и по чужим документам.

— Только это всё равно не поможет.

— Обождите, — перебил я это мучительное поочерёдное произнесение слов, — я, конечно, не Гарри

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru